

**ВОЗМОЖНА ЛИ ФИЛОСОФИЯ
В СИТУАЦИИ БЕЗВРЕМЕНЬЯ,
ИЛИ ОБ УСЛОВИЯХ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ
В МИРЕ, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ**

В. В. Скоробогачкий

Екатеринбург, Уральский институт управления — филиал РАНХиГС

Аннотация. Состояние, в котором находится философия в России, определена действием двух разнородных факторов. Во-первых, это характер современного общества и системная направленность происходящих в нем социальных процессов. Итог этих процессов — массовая культура в ее предельно коммерциализированном варианте, квинтэссенцией которой является не философия, а успех в его финансовом выражении. Во-вторых, это предшествующее состояние философии, то советское наследие, которое по-прежнему определяет мировоззренческие ориентиры общественного сознания и теоретико-методологические установки профессионального сообщества. Оценка возможности повторного возникновения философии в России предполагает анализ четырех условий философствования: 1) сдвиг в основаниях бытия, 2) возникновение и формулировка проблемы, 3) культурное качество языка и 4) наличие субъекта, который решается философствовать.

Ключевые слова: философия в ситуации безвременья, повторное возникновение философии, условия возможности философствования

THE POSSIBILITY OF PHILOSOPHY IN THE SITUATION OF TIMELESSNESS, OR ABOUT THE CONDITIONS OF PHILOSOPHIZING IN THE WORLD, WE LIVE IN

Vyatcheslav Skorobogatskiy

Ekaterinburg, Ural Institute of Management — Branch of RANEPa

Abstract. Two different factors determine the current state of philosophy in Russia. First of all, it is the condition of modern society and system orientation of current social processes. The result of these processes is the most commercialized version of popular culture where the quintessence is not a philosophy but an achievement in its financial aspect. Secondly it is the previous condition of philosophy, that Soviet heritage which still defines the world outlook guidelines of social conscience and theoretical and methodological settings of professional community. Assessment of the possibility for philosophy in Russia reemerge means the analysis of four conditions of philosophizing: 1) shift in the foundations of being, 2) emergence and defining an issue, 3) cultural quality of language and 4) existence of the subject who resolves to philosophize.

Key words: philosophy in the situation of timelessness, reemergence of philosophy, conditions of possibility of philosophizing

Сегодня повсеместны разговоры о том, что философия никому не нужна. Ни студентам, ни факультетам/институтам, зарабатывающим на них средства к выживанию, ни даже администрации университета, занятой по большому счету не стратегическим развитием, а тем же самым. Эти разговоры ведутся в основном в нашей профессиональной среде, ибо за ее пределами само слово «философия» давно забыто. Так называемое образованное общество, возглавляющие его мастера культуры и ведущие (нечаянный каламбур) телеведущие озабочены совсем иными проблемами.

Причем разговоры о ненужности философии в нашем обществе — дело не новое. Мне кажется, что таким отношением к философии со стороны как правящих «верхов», так и подчиненных им «низов» на самом деле ставится диагноз обществу, для которого характерны две черты — погруженность массового человека в мелочную повседневность с ее текущими заботами и интересами

(«низы») и тщеславное самодовольство лидеров общественного мнения, носителей руководящих идей нашего времени. Именно эти две вещи Гегель считал враждебными философии [2, с. 80]. И потому вполне естественно, что в таком мире философия — факультет ненужных вещей. Но ущерб от такого положения вещей, согласно Гегелю, терпит не философия, а общество, попавшее в ситуацию безвременья, когда, как говорил Чаадаев, течение времени обходит нас стороной, ничего не меняя внутри, но только производя некоторые перемены внешнего плана.

Гегель говорил о философии и культуре определенного времени. А как можно оценить подобное отношение к философии в нашем обществе? И тут я должен сказать, что в нашей ситуации дело не столько в обществе, а в первую очередь в состоянии самой философии. Нет, конечно, и общество здесь тоже «причем», и две его черты, отмеченные Гегелем как враждебные философии, у нас налицо. Но гораздо важнее то, что у нас нет философии, которая бы отвечала тому назначению, какое имел в виду Гегель: быть центром всей духовной культуры, всех наук, всякой истины [Там же].

Без предварительного определения, что представляет собой наша философия, не имеет смысла задаваться вопросом, почему она влачит жалкое существование в нашем обществе. В нашей ситуации любой ответ на этот вопрос может быть оспорен. В первую очередь потому, что здесь нет предмета для спора. Сам вопрос поставлен неосновательно. Можно ли оценивать состояние того, чего в принципе нет и не было? Я настаиваю на том, что то, что называется у нас философией, в существенном своем содержании есть наследие марксистско-ленинской, советской философии, которая философией не являлась. В лучшем случае это было наставление по гражданскому воспитанию. При этом официальные органы под гражданским понимали свое — идеологическое, патриотически-казенное, то есть служение государству, а интеллигенция — способность духовного сопротивления государственному подавлению личного начала, прав и свобод человека, его автономии.

Оставалась еще одна ниша для рефлексии — наука и научное познание, его методология, парадигмы и ценностные основания. Но и здесь основным мотивом было стремление к отвоеванию

у идеологии пространства относительной свободы мысли. И все силы уходили на решение этой задачи. А что касается методологического значения советской философии для естественных наук, то с их точки зрения философия вместе с другими общественными дисциплинами априори относилась к ведомству наук «неестественных», нормальной наукой не востребованных. Но, несмотря на это, в 1980-е гг. до половины философских диссертаций защищались по философии естествознания. Возможно, потому, что, как говорил Гегель, в облаках нет полицейских.

Я опускаю тему философского подполья, где бродили разные умонастроения. Я говорю только о публичной сфере. Все неказенное, живое в философствовании той поры преследовало внешние для философии цели, а сама философия использовалась как инструмент достижения этих целей — свобода мысли, свобода высказывания, сопротивление идеологическому диктату и цензуре. Это вещи очень важные, но все же только предварительные условия философии. До собственно философской проблематики руки, занятые борьбой за свободу мысли и слова, так и не доходили. Самыми интересными были работы в области истории философии, но и они 1) были существенно ограничены самоцензурой, вольной или невольной, и 2) не доходили до главного: что такое человек нашей современности, что он может знать и на что надеяться?

В отличие от философа-профессионала человек из подполья был ближе к философии. Так, в романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» его герой уже на первой странице погрузился в чтение Хайдеггера и «...затих душой на очередном здесь и *сейчас*». Именно фундаментальная онтология помогала человеку, придавленному властью и ищущему убежища, осознать, что почва — всегда и везде. Просто почва, земля, проза жизни... То, перед чем бессильна любая власть.

Исключением, *enfant terrible*, тогдашней философии был М. К. Мамардашвили (неофициальное, заглазное прозвище — Мэм), обратившийся к этим главным, кантовским вопросам и избравший для своих публикаций эзотерический язык, недоступный не только цензорам, но и подавляющему большинству так называемых профессионалов. А может быть, и ему самому, с трудом подбирающему

слова, чтобы осмыслить и выразить непривычное и не привлечь при этом ненужного внимания. Во всяком случае, Мэм говорящий и Мэм пишущий — это (на одесском жаргоне) две большие разницы, особенно в доперестроечную пору.

Мой тезис о принципиальном отсутствии философии в советскую эпоху — основание для того, что поставить вопрос по-другому, а именно как вопрос об условиях повторного возникновения философии в начале новой культурной формации [4, с. 43–44]. Более того, возникновение философии не только знак, указывающий на становление новой культуры, но и его целевая причина, телеологически направляющая это становление и задающая ему конечный смысл — «ради чего?» [1, с. 96]. Само по себе такое событие не редкость: Августин, Бозций и Эриугена — в начале Средневековья; Бэкон, Декарт и Спиноза — в начале Нового времени; Чаадаев, Хомяков и Вл. Соловьев — в нашем XIX столетии.

Почему, например, в этом списке нет Плеханова, основоположника русского марксизма? Потому что философские взгляды, которые он высказывал, причем в достаточно систематической форме, были прямым инокультурным заимствованием, они не выросли на почве национальной культуры. Конечно, культуры открыты и живут в диалоге с другими. Культура, в точном смысле слова, всегда контекстна, она отсылает к чужому. Так, Монтескье, Вольтер, Дидро, Гегель, Ницше, Хайдеггер — все эти персонажи и тексты тоже входят в корпус русской культуры вместе с Пушкиным, Толстым, Достоевским и Чеховым. Но при всем том, при всей важности и необходимости заимствований, первичным является внутреннее начало, которое обогащается и растет в диалоге, благодаря заимствованию и обмену. Таков феномен Пушкина [3, с. 56–57].

Поэтому вопрос о повторном рождении философии в границах той или иной культуры — это вопрос о состоянии культурной почвы.

К условиям возможности (повторного) возникновения философии можно отнести следующие.

Во-первых, *сдвиг в основаниях бытия*: это изменение способа бытия вещей и порядка, который, распределяя их, представляет их знанию [5, с. 35], и соответствующие перемены в языке, в представлениях и в опыте. Конечный и тончайший результат такого

сдвига — личность, внутренний нерв культуры. Это новый человеческий тип, человек-проект, своего рода культурная матрица, задающая код, программу для развертывания и жизненного роста и культуры, и массового человека. Так, в первой половине XIX в. живым выражением такого типа был Пушкин, на первое место ставивший такие ценности, как долг, справедливость, истина, человеческое достоинство и самостоятельная мысль.

Произошло ли с нами нечто подобное или мы все еще живем по-советски? Скорее — второе, хотя молодежь может оспорить это утверждение. Пока они еще, как писал Маркузе, не интегрировались в систему, они могут испытывать чувство легкости бытия.

Во-вторых, обнаружение и постановка *проблемы*, что предполагает наличие *ответа* в структуре действительности. Хайдеггер писал, что по большому счету «метафизика» существует не в голове человека, это исторический строй действительности [6, с. 41]. Такая действительность внутренне рефлексирована (проницаема для мышления) и категоризована, приведена в систему. Это «разумная действительность» Гегеля [2, с. 89], которая есть не спутанный клубок, не хаотичное, но внутренне упорядоченное и просматриваемое мышлением («внутренним оком») целое. Только в отношении такого целого имеет смысл задавать вопросы и возможно познание вообще.

В-третьих, это *язык философии*, о культурном качестве которого можно судить по состоянию нашей литературы. Гегель и Шеллинг были младшими современниками Лессинга, Виланда, Гёте и Шиллера, рядом с ними — Новалис, Гёльдерлин, Гофман, фон Клейст. Что по этой части у нас? Если язык — дом бытия, то наше бытие — это криминализованный мир человекоподобных существ, изъясняющихся с помощью мата и жаргонной «фени». Это криминальное подполье, оформившееся в виде субкультуры в условиях социального обвала 80–90-х гг. и утвердившее себя в качестве культурной нормы, в том числе и в области языка. Во всяком случае, эта почва малопригодна для философии. Фактически можно констатировать *немоту* нашей культуры, которая, как в XVIII в., вынуждена прибегать к широким заимствованиям из чужих языков. Но, в отличие от XVIII в., усваивавшего язык романов, язык выражения «нежных чувств», необходимый для рефлексии над душевными состояниями,

сегодня эти заимствования приспособлены для описания технических и технологических новшеств цифрового мира. А человек в этом языке предстает в качестве похотливого, нечистоплотного и жадного до денег субъекта.

И наконец, четвертое условие: это *субъект, который решается философствовать* и который, согласно Гегелю, представляет собой *начало философии* [2, с. 103]. При этом речь не идет об обществе — ни как о «заказчике» философии, ни как о ее «потребителе». И вообще, вопрос о том, нужна ли философия обществу, — плохой вопрос, потому что — без адреса и, следовательно, без ответа: у общества нет одной-единой головы и нет живой души. Вопрос надо ставить по-другому: нужна ли философия человеку? Есть ли у нас, в нашей культурной среде, человек, нуждающийся в философии? Не об имени-отчестве речь, а о личностном типе — о человеке, для которого вопрос о бытии сущего безотлагателен и актуален изнутри, по внутренним мотивам, а не под давлением обстоятельств или образовательных программ с учебной дисциплиной «Философия».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Метафизика // Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1975. Т. 1. С. 63–367.
2. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1 : Наука логики. М. : Мысль, 1974.
3. *Григорьев А. А.* Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина // Григорьев А. А. Соч. : в 2 т. М. : Худож. лит., 1990. Т. 2. С. 48–90.
4. *Скоробогатский В. В.* Безвременье и время философии. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014.
5. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. : А-сad, 1994.
6. *Хайдеггер М.* Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 41–62.

ОБНОВЛЕНИЕ ГУМАНИЗМА: ФИЛОСОФСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ
